

О. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (И. И. СЕРГЕЕВ)

Ответ на обращение гр. Л. Н. Толстого к духовенству (1903)

Русские люди! Хочу я вам показать безбожную личность Льва Толстого по последнему его сочинению, изданному за границей и озаглавленному: «Обращение к духовенству», т. е. вообще к православному, католическому, протестантскому и англиканскому, что видно из самого начала его сочинения. Не удивляйтесь моему намерению: странно было бы, если бы я, прочитав это сочинение, не захотел сказать своего слова в защиту веры христианской, которую он так злобно, несправедливо поносит вместе с духовенством всех христианских вероисповеданий. В настоящее время необходимо сказать это слово и представить наглядно эту безбожную личность, потому что весьма многие не знают ужасного богохульства Толстого, а знают его лишь как талантливого писателя по прежним его сочинениям: «Война и мир», «Анна Каренина» и пр. Толстой извратил свою нравственную личность до уродливости, до омерзения. Я не преувеличиваю. У меня в руках это сочинение, и вот вкратце его содержание.

* * *

С привычною развязностью писателя, с крайним самообольщением и высоко поднятою головою Лев Толстой обращается к духовенству всех вероисповеданий и ставит его пред своим судейским трибуналом, представляя себя их судьей. Тут сейчас же узнаешь Толстого, как по когтям льва (*ex unguis Leonem*). Но в чем же он обличает пастырей христианских Церквей и за что осуждает? В том, что представители этих христианских исповеданий принимают как выражение точной христианской истины

Никейский символ веры, которого Толстой не признает и в который не верит как несогласный с его безбожием.

Потом обличает пастырей в том, что предшественники их подавали эту истину преимущественно насилем (наоборот, христиан всячески гнали и насильовали язычники и иудеи, откуда и явилось множество мучеников) и даже предписывали эту истину (канцелярский слог) и казнили тех, которые не принимали ее (никогда не бывало этого с православным духовенством). Далее Толстой в скобках пишет: миллионы и миллионы людей замучены, убиты, сожжены за то, что не хотели принять ее (попутно достается и православному духовенству). В словах Толстого очевидны явная клевета и совершенное незнание истории христианской Церкви.

Слушайте дальше фальшивое словоизвержение его: средство это (т. е. принуждение к принятию христианской веры пытками) с течением времени стало менее и менее употребляться и употребляется теперь из всех христианских стран (кажется!) в одной только России.

Поднялась же рука Толстого написать такую гнусную клевету на Россию, на ее правительство!.. Да если бы это была правда, тогда Лев Толстой давно бы был казнен или повешен за свое безбожие, за хулу на Бога, на Церковь, за свои злонамеренные писания, за соблазн десятков тысяч русского юношества, за десятки тысяч дураков, им соvrащенных, обманутых, загубленных. Между тем Толстой живет барином в своей Ясной Поляне и гуляет на полной свободе.

Далее Толстой нападает на духовенство. Знаете ли за что? За то, что оно внушает церковное учение людям в том состоянии, в котором они не могут (будто бы) обсудить того, что им передается; тут он разумеет совершенно необразованных рабочих, не имеющих времени думать (а на что праздники и обстоятельные внебогослужебные изъяснительные беседы пастырей?), и, главное, детей, которые принимают без разбора и навсегда запечатлевают в своей памяти то, что им передается. Как будто дети не должны принимать на веру слово истины.

Слушайте, слушайте, православные, что заповедует духовенству всех стран русский Лев: он пресерьезно и самоуверенно утверждает, что необразованных, особенно рабочих и детей, не должно учить вере в Бога, в Церковь, в таинства, в воскресение, в будущую жизнь, не должно учить молиться, ибо все это, по Толстому, есть нелепость и потому, что они не могут обсудить того, что им преподается, как будто у них нет смысла и восприимчивости, между тем как Господь из уст младенцев и сущих совер-

шает хвалу Своему величию и благодати; утаивает от премудрых и разумных Свою премудрость и открывает ее младенцам (Мф. 11 : 25), и от гордеца Толстого утаил Свою премудрость и открыл ее простым неученым людям, каковы были апостолы и каковы и нынешние простые и неученые или малоученые люди, да не похвалится никакая плоть, никакой человек пред Богом (1 Кор. 1 : 29). Толстой хочет обратить в дикарей и безбожников всех: и детей, и простой народ, ибо и сам сделался совершенным дикарем относительно веры и Церкви по своему невоспитанию с юности в вере и благочестии. Думаю, что если бы Толстому с юности настоящим образом вложено было в ум и в сердце христианское учение, которое внушается всем с самого раннего возраста, то из него не вышел бы такой дерзкий, отъявленный безбожник, подобный Иуде-предателю. Невоспитанность Толстого с юности и его рассеянная, праздная, с похождениями жизнь в лета юности, как это видно из собственного его описания своей жизни, были главной причиной его радикального безбожия; знакомство с западными безбожниками еще более помогло ему стать на этот страшный путь, а отлучение его от Церкви Святейшим Синодом озлобило его до крайней степени, оскорбив его графское писательское самолюбие, помрачив ему мирскую славу. Отсюда проистекла его беззастенчивая, наивная, злая клевета на все вообще духовенство и на веру христианскую, на Церковь, на все священное богодухновенное Писание. Своими богохульными сочинениями Толстой хочет не менее, если еще не более, как апокалипсический дракон, отторгнуть третью часть звезд небесных, т. е. целую треть христиан, особенно интеллигентных людей и часть простого народа. О, если бы он верил слову Спасителя, Который говорит в Евангелии: *«Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской»* (Мф. 18 : 6).

* * *

Пойдем дальше, в глубину толстовской мнимой мудрости. Горе, сказано в Писании, тем, которые мудры в самих себе и пред собою разумны. Толстой считает себя мудрее и правдивее всех, даже священных писателей, умудренных Духом Святым, Св. Писание признает за сказку и поносит духовенство всех исповеданий христианских за преподавание Священной истории Ветхого и Нового Завета, почитая за вымысел сказание о сотворении Богом мира и человека, о добре и зле, о Боге, высмеивает все священное бытописание и первый завет Божий человеку о соблю-

дении заповеди, исполнение которой должно было утвердить волю первочеловеков в послушании Творцу своему и навсегда увековечить их союз с Богом, блаженное состояние и бессмертие даже по телу; вообще извращает и высмеивает всю дальнейшую Священную историю, не принимая на веру ни одного сказания. Так, например, он говорит, что Бог, покровительствуя Аврааму и его потомкам, совершает в пользу его и его потомства самые неестественные (!) дела, называемые чудесами (Толстой не верит в них), и самые страшные (!) жестокости (это Бог-то милостивый, человеколюбивый и долготерпеливый), так что вся история эта, за исключением наивных, иногда невинных, часто же безнравственных сказок (!), вся история эта, начиная с казней, посланных Моисеем (не им, а Богом праведным и долготерпеливым), и убийства Ангелом всех первенцев их, до огня, попавшего 250 заговорщиков, и провалившихся под землю Корея¹, Дафана и Авирона, и гибели в несколько минут 14 000 человек, и до распиливаемых пилами врагов (выходит, что слышал звон, да не знает, где он: известно, что царь Манассия, беззаконный царь Иудейский, велел перепилить надвое пророка Исаию за его пророчество) и казненных Илией (пророком), улетевшим (!) на небо (не улетевшим, а вознесенным как бы на небо Божиим повелением на колеснице огненной конями огненными), не согласных с ним жрецов и Елисея, проклявшего смеявшихся над ним мальчиков, разорванных и съеденных за это двумя медведицами, — вся история эта есть (по Толстому) ряд чудесных событий и страшных злодеяний (Толстой, отвергая личного Святого и Праведного Бога, отвергает и Его правосудие), совершаемых еврейским народом, его предводителями и Самим Богом (!). Вот вам воочию безбожие и хула Толстого на праведного, многомилостивого и долготерпеливого Бога нашего! Но это только цветки, а ягодки впереди.

* * *

Слушайте дальше, что говорит Толстой о Новом Завете, т. е. Евангелии. Вы, упрекает он духовенство всех вероисповеданий, передаете детям и темным людям (только детям и темным людям, а не всем интеллигентным?) историю Нового Завета в таком толковании, при котором главное значение Нового Завета заключается не в нравственном учении, не в Нагорной проповеди, а в согласовании Евангелия с историей Ветхого Завета, в исполнении пророчеств и в чудесах (и то и другое и все содержание преподается; Толстой не знает, что говорит, или намеренно извра-

щает истину); далее Толстой в насмешливом тоне говорит о явлении чудесной звезды по Рождестве Спасителя, о пении Ангелов, о разговоре с дьяволом (в которого не верит, хотя он его истый отец, ибо сказано: «*Вы отца вашего дьявола есте*» (Мф. 8 : 44), о претворении воды в вино, хождении Господа по водам, о чудесных исцелениях, воскрешении мертвых, о воскресении Самого Господа и вознесении Его на небо (иронически говорит «и улета-нии его на небо»). Наконец, Лев Толстой договорился до того, что священные книги Ветхого и Нового Завета не удостаивает даже и названия сказки, а называет их «самыми вредными книгами в христианском мире, ужасною книгою». При этом невольно восклицаем: о, как ты сам ужасен, Лев Толстой, порождение ехидны, отверзший уста свои на хуление богодуховенного Писания Ветхого и Нового Завета, составляющего святыню и неоценимое сокровище всего христианского мира! Да неужели ты думаешь, что кто-либо из людей с умом и совестью поверит твоим безумным словам, зная с юности, что книги Ветхого и Нового Завета имеют в самих себе печать боговдохновенности? Да, мы утверждаем, что книги Ветхого и Нового Завета — самая достоверная истина и первое необходимое основное знание для духовной жизни христианина, а потому с них и начинается обучение детей всякого звания и состояния и самих царских детей. Видно, только один Лев Толстой не с того начал, а оттого и дошел до такой дикости и хулы на Бога и Творца своего и воспитательницу его — Мать Церковь Божию.

* * *

Слушайте, что далее Толстой говорит о себе, конечно, а не о ком-либо другом, потому что ни к кому не применимо то, что он разглагольствует. В живой организм нельзя вложить чуждое ему вещество без того, чтобы организм этот не пострадал от усилия освободиться от вложенного в него чуждого вещества и иногда не погибал бы в этих усилиях.

Несчастный Толстой: он едва не погибал в усилиях сделаться богоотступником и все-таки достиг гибели своей, сделавшись окончательно вероотступником! Слушайте далее нелепость его, чтобы убедиться, что Толстой в своей злобе на веру и Церковь клеветает на нее, подпадая влиянию сатаны. Вот его слова: «Какой страшный вред должны производить в уме человека те чуждые и современному знанию, и здравому смыслу, и нравственному чувству изложения учения по Ветхому и Новому Завету, внушаемые ему в то время, когда он не может обсудить» (на это

есть вера как доверие истине). На это отвечаю. Мы все с детства знаем историю Ветхого и Нового Завета и получили от изучения ее самое всеоживляющее, спасительное знание и высокое религиозное наслаждение. Толстой же по своему лукавству и увлечению безбожными немецкими и французскими писателями этого не мог испытать, ибо от дерзкого ума его Господь утаил Свою чистую премудрость.

Толстой подчиняет бесконечный разум Божий своему слепому и гордому уму и решительно не хочет верить, как в невозможное дело, в сотворение мира из ничего, во всемирный потоп, в ковчег Ноев, в Троицу, в грехопадение Адама (значит, и в нужду всеискупительной жертвы), в непорочное зачатие, в чудеса Христа, и утверждает, что для верующего во все сказанное требование разума уже необязательно и такой человек не может быть уверенным ни в какой истине.

«Если возможны Троица, — продолжает глумиться Толстой, — непорочное зачатие и искупление рода человеческого кровью Христа, то все возможно, и требования разума необязательны». Слышите, христиане, как Толстой разум свой слепой ставит выше Бога, и поелику он, Толстой, не может разуметь высочайшей тайны Божества — Троичности Лицами и единства по существу, то считает невозможным бытие самой Троицы и искупление падшего рода человеческого кровью Иисуса Христа. «Забейте клин, — говорит он, — между половицами закрома: сколько бы вы ни сыпали в такой закроем зерна, оно не удержится. Точно так же и в голове, в которой вбит клин Троицы, или Бога, сделавшегося человеком и Своим страданием искупившего род человеческий и потом опять улетевшего (какое искажение Св. Писания!) на небо, не может уже удержаться никакое разумное, твердое жизнепонимание».

Отвечаю: Толстой точно вбил себе клин в голову — гордое неверие — и оттого впал в совершенную бессмыслицу относительно веры и действительного жизнепонимания, извратив совершенно разум и его мирозерцание, и всю жизнь поставил вверх дном. Вообще, Толстой твердо верит в непогрешность своего разума, а религиозные истины, открытые людям Самим Богом, называет бессмысленными и противоречивыми положениями, а те, которые приняли их умом и сердцем, будто бы люди больные (не болел ли сам Толстой, не принимающий их?).

* * *

Все сочинение Толстого «Обращение к духовенству» наполнено самую бесстыдную ложью, к какой способен человек, порвав-

ший связь с правдою и истиной. Везде из ложных положений выводятся ложные послышки и самые нелепые заключения. Автор задался целью всех совратить с пути истины, всех отвести от веры в Бога и от Церкви, старается всех развратить и ввести в погибель; это очевидно из всего настоящего сочинения его.

На все отдельные мысли Толстого отвечать не стоит, так они явно нелепы, богохульны и нетерпимы для христианского чувства и слуха, так они противоречивы и бьют сами себя и окончательно убили душу самого Льва Толстого и сделали для него совершенно невозможным обращение к свету истины.

«*Не отвечаей безумному по безумию его*, — говорит премудрый Соломон, — *да не подобен ему будешь*» (Притч. 26 : 4). И действительно, если отвечать Толстому по безумию его на все его бессмысленные хулы, то сам уподобишься ему и заразишься от него тлетворным смрадом. «*Но отвечаей безумному по безумию его*, — продолжает Соломон, в другом смысле, — *да не явится мудр у себе*» (26 : 5). И я ответил безумному по безумию его, чтоб он не показался в глазах своих мудрым пред собою, но действительным безумцем. Разве не безумие отвергать личного, всеблагого, премудрого, праведного, вечного, всемогущего Творца, единого по существу и троичного в Лицах, когда в самой душе человеческой, в ее едином существе находятся три равные силы: ум, сердце и воля по образу трех Лиц Божества? Разве человечество не уважает в числах число три более всех чисел и чрез то по самой природе своей чтит Троицу, создавшую тварь? Разве человечество не чувствует своего падения и крайней нужды в искуплении и Искупителе? Разве Бог не есть Бог чудес, и самое существование мира разве не есть величайшее чудо? Разве человечество не верует в происхождение свое от одного праотца? Разве оно не верует в потоп? Разве не верит в ад, в воздаяние по делам, в блаженство праведных, хотя не все по откровению слова Божия? Разве Толстому не жестоко идти против рожна? Можно ли разглагольствовать с Толстым, отвергающим Альфу и Омегу — начало и конец? Как говорить серьезно с человеком, который не верит, что А есть А, Б есть Б? Не стоит отвечать безумному по безумию его.

Главная, магистральная ошибка Льва Толстого заключается в том, что он, считая Нагорную проповедь Христа и слово Его о непротивлении злу, превратно им истолкованное, за исходную точку своего сочинения, вовсе не понял ни Нагорной проповеди, ни заповеди о непротивлении злу. Первая заповедь в Нагорной проповеди есть заповедь о нищете духовной и нужде смирения и покаяния, которые суть основание христианской жизни, а Тол-

стой возгордился, как сатана, и не признает нужды покаяния, и какими-то своими силами надеется достигнуть совершенства без Христа и благодати Его, без веры в искупительные Его страдания и смерть, а под непротивлением злу разумеет потворство всякому злу, по существу — непротивление греху или поблажку греху и страстям человеческим, и пролагает торную дорогу всякому беззаконию и таким образом делается величайшим пособником дьяволу, губящему род человеческий, и самым отъявленным противником Христу. Вместо того чтобы скорбеть и сокрушаться о грехах своих и людских, Толстой мечтает о себе как о совершенном человеке или сверхчеловеке, как мечтал известный сумасшедший Ницше; между тем, что в людях высоко, то есть мерзость пред Богом. Первым словом Спасителя грешным людям была заповедь о покаянии. *Оттоле начат Иисус проповедати и глаголати: «Покайтесь, приближи бо ся царство небесное»*, а Толстой говорит: «Не кайтесь, покаяние есть малодушие, нелепость, мы без покаяния, без Христа, своим разумом достигнем совершенства, да и достигли»; говорит: «Посмотрите на прогресс человеческого разума, человеческих познаний, литературы романтической, исторической, философской; разных изобретений, фабричных изделий, железных дорог, телеграфов, телефонов, фонографов, граммофонов, аэростатов». Для Толстого нет высшего духовного совершенства в смысле достижения христианских добродетелей — простоты, смирения, чистоты сердечной, целомудрия, молитвы, покаяния, веры, надежды, любви в христианском смысле; христианского подвига он не признает; над святостью и святыми смеется, сам себя он обожает, себе поклоняется как кумиру, как сверхчеловеку. «Я, и никто, кроме меня, — мечтает Толстой. — Вы все заблуждаетесь; я открыл истину и учу всех людей истине!» Евангелие, по Толстому, вымысел и сказка. Ну, кто же, православные, кто такой Лев Толстой?

Это Лев рыкающий, ищущий, кого поглотить. И скольких он поглотил чрез свои льстивые листки! Берегитесь его.

